

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья
УДК 303:316.4:330.34:338.24(470+571)
JEL: O10, P2

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

Ю. В. ЛАТОВ¹

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ ЗАПРОС НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ?

Латов Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России; профессор, РЭУ им. Г. В. Плеханова
E-mail: latov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7566-4192>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7344-2016>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1489-6446, AuthorID: 152966

Аннотация

Цель: изучение проблемы запроса на перемены с точки зрения поиска ответа на вопрос, не идет ли речь о реакционном стремлении наименее модернизированных слоев россиян «вернуться в СССР», полностью отказавшись от результатов «либеральной революции» 1990-х.

Методы: для ответа на вопрос, существует ли в современной России запрос на реставрацию «советского социализма», анализируются материалы общероссийских социологических опросов по репрезентативной выборке (главным образом предковидного опроса 2019 г.), организованных Институтом социологии ФНИСЦ РАН.

Результаты: доказано, что, хотя в последнее десятилетие среди россиян растет популярность более авторитарных моделей государства, в то же время активно происходит «привыкание» к институтам частной собственности и предпринимательству. Сделан вывод, что в настоящее время главным объектом протестных настроений является не эксплуатация труда капиталом, а бюрократическая коррупция. Это означает, что высокий «запрос на перемены» объективно связан с массовым стремлением не «вернуться в СССР», а завершить демонтаж квазисоциалистических (политарных) институтов, начатый в 1990-е, но затем прерванный и частично аннулированный.

Научная новизна: на основе оригинальных баз данных общероссийских опросов сделаны нетривиальные выводы о направленности «запроса на перемены», полемизирующие с популярным в последние годы утверждением о запросе на реставрацию СССР.

© Латов Ю. В., 2022
© Latov Yu. V., 2022

Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены?
Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia?

Практическая значимость: понимание направленности массового запроса на перемены дает возможность, не дожидаясь социального взрыва, заранее планировать те социально-экономические реформы, которые в наибольшей степени соответствуют требованиям российских граждан.

Ключевые слова: запрос на перемены, общественное сознание, национальное социально-экономическое развитие, частная собственность, предпринимательство, постсоветская экономика

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены? // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 202–218. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

The scientific article

Yu. V. LATOV¹

¹ *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

DOES AN ENQUIRY FOR SOCIALISTIC CHANGES EXIST IN RUSSIA?

Yuri V. Latov, Doctor of Sociology, PhD (Economics), Chief Researcher, Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs; Professor, Plekhanov Russian University of Economics

E-mail: latov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7566-4192>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-7344-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1489-6446, AuthorID: 152966

Objective: to study the problem of the request for change from the viewpoint of answering the question whether there is a reactionary desire of the least modernized strata of Russians to “return to the USSR”, completely abandoning the results of the “liberal revolution” of the 1990s.

Methods: to answer the question whether there is a request for the restoration of the “Soviet socialism” in modern Russia, the materials of the all-Russian sociological surveys on a representative sample (mainly the pre-COVID survey of 2019), organized by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, are analyzed.

Results: it is proved that, although the popularity of more authoritarian models of the state has been growing among the Russians in the last decade, at the same time, there is an active “habituation” to private property institutions and entrepreneurship. It is concluded that at present the main object of protest sentiments is not the exploitation of labor by capital, but bureaucratic corruption. This means that the high “demand for change” is objectively connected with the mass desire not to “return to the USSR”, but to complete the dismantling of quasi-socialist (political) institutions, which began in the 1990s, but then interrupted and partially canceled.

Scientific novelty: based on the original databases of all-Russian surveys, non-trivial conclusions were drawn about the direction of the “request for change”, which controvert with the statement popular in the recent years about the request for the USSR restoration.

Practical significance: understanding the direction of the mass request for change makes it possible, without waiting for a social explosion, to plan in advance those socio-economic reforms that best meet the requirements of the Russian citizens.

Keywords: Request for change, Public consciousness, National socio-economic development, Private property, Entrepreneurship, Post-Soviet economy

Financial Support: The research was carried out with the financial support of RFBR, grant No. 19-011-00277 “Social transformation of the Russian society: actors of a request for change”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Latov Yu. V. (2022). Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia? *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 202–218 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.202-218>

Введение

В последние годы при обсуждении перспектив развития российского общества популярной темой стал запрос на перемены (см., например, [1–4]). Этот термин начал активно употребляться еще в начале 2010-х, при обсуждении «болотной революции». Новая волна его распространения связана с обсуждением результатов общероссийских социологических опросов, согласно которым в российском обществе после 2014 г. стало быстро меняться соотношение тех респондентов, по мнению которых страна нуждается в стабильности, и тех, кто полагает, что Россия нуждается в существенных переменах. Речь идет об изменении не только общественного сознания, но и установки на определенные социальные действия, протестные по отношению к существующим правилам игры в политике и экономике. Быстрое превращение данного понятия в популярный медиамем скрывает, однако, большие проблемы, связанные с пониманием сущности социального явления, которое таится за этими мемами. В данной статье будут рассмотрены два основных аспекта анализа этого явления – степень экстраординарности фиксируемого социопросами роста запроса на перемены и, самое главное, направленность этого запроса. Изучение этих аспектов важно для ответа, чем объективно является этот запрос – прогрессивным устремлением в будущее или реакционным стремлением «вернуться в СССР», отказавшись от результатов «либеральной революции» 1990-х.

Среднесрочная динамика запроса на перемены

Действительно, согласно данным общероссийских мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН, если в 2012–2014 гг. доля россиян, желающих стабильности, составляла квалифицированное большинство (около 70 %), то затем начался быстрый рост доли желающих существенных перемен в стране

(рис. 1). Осенью 2017 г. она даже превысила долю сторонников стабильности, породив к 100-летию революций 1917 г. ожидание очередной «революционной ситуации», когда «„низы“ не хотят старого» [5. С. 69]. В действительности, однако, после 2018 г. тенденция к росту запроса на перемены переломилась: на протяжении 2018–2020 гг. доля сторонников перемен в России была лишь немного выше доли сторонников стабильности, а в 2021 г. они практически сравнялись.

Данные Института социологии о первоначально растущем, но затем стабилизировавшемся уровне запроса на перемены у россиян подтверждаются и другими исследованиями. Так, согласно данным опросов «Левада-центра»¹, если за 2017–2018 гг. произошел подскок на 13 п. п. доли россиян, считающих, что стране «нужны решительные, полномасштабные перемены», то в 2018–2019 гг. эта доля изменилась лишь на 2 п. п., т. е. почти в пределах ошибки измерения (рис. 2). Доля тех, кто в опросах «Левада-центра» выбирал ответ «нужны решительные, полномасштабные перемены», практически равна доле тех, кто в опросах Института социологии в те же годы выбирал ответ «страна нуждается в существенных переменах...», что доказывает смысловую однозначность обеих формулировок.

Такое практически одинаково фиксируемое разными исследовательскими организациями (как более радикальным «Левада-центром», так и более умеренным Институтом социологии) распределение мнений означает, что внутри российского общества с конца 2010-х гг. наблюдается высокое недовольство положением дел в стране, которое, однако, стабилизировалось и определенно не перерастает в «революционную ситуацию». Возможно, на это влияет негативный опыт «революций» в соседних с Россией странах: хотя на Украине в 2014 г. массовые

¹ С 2016 г. «Левада-центр» включен в реестр иностранных агентов.

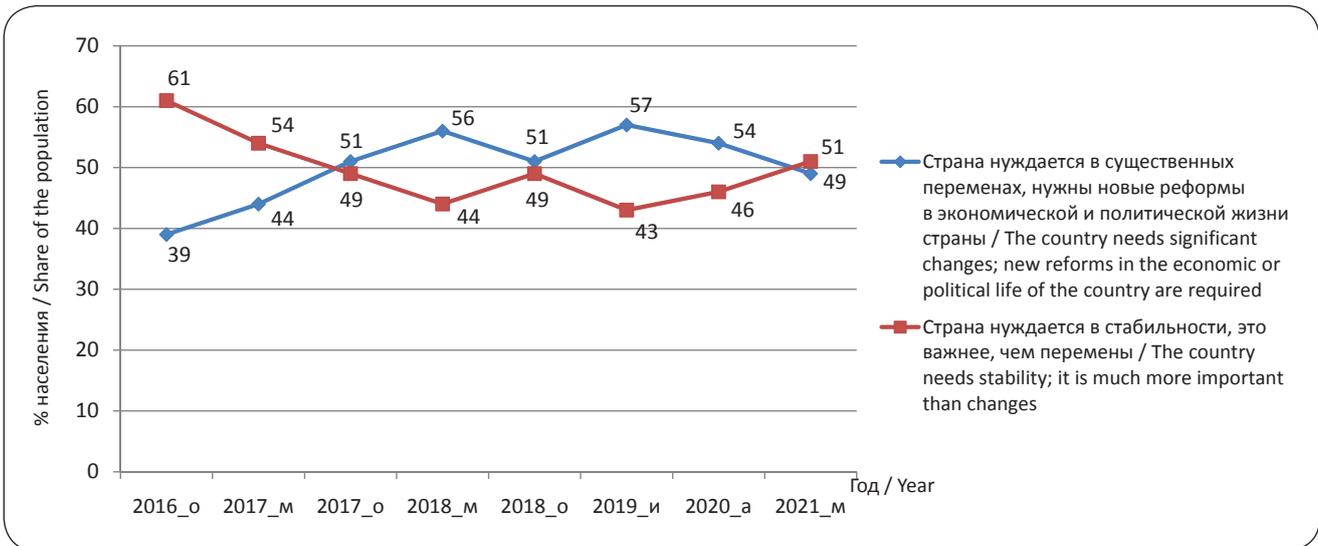

Рис. 1. Динамика отношения россиян к стабильности и переменам, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, 2016–2021 гг.

Примечание: сокращенные обозначения здесь и далее: ф – февраль, м – март, а – апрель, и – июнь, о – октябрь, н – ноябрь.

Источник: составлено автором по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

Fig. 1. Dynamics of the Russians' attitude towards stability and change, by the data of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences, 2016–2021

Note: abbreviations here and further: ф – February, м – March, а – April, и – June, о – October, н – November.

Source: compiled by the author based on the data of all-Russia representative sociological polls of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences.

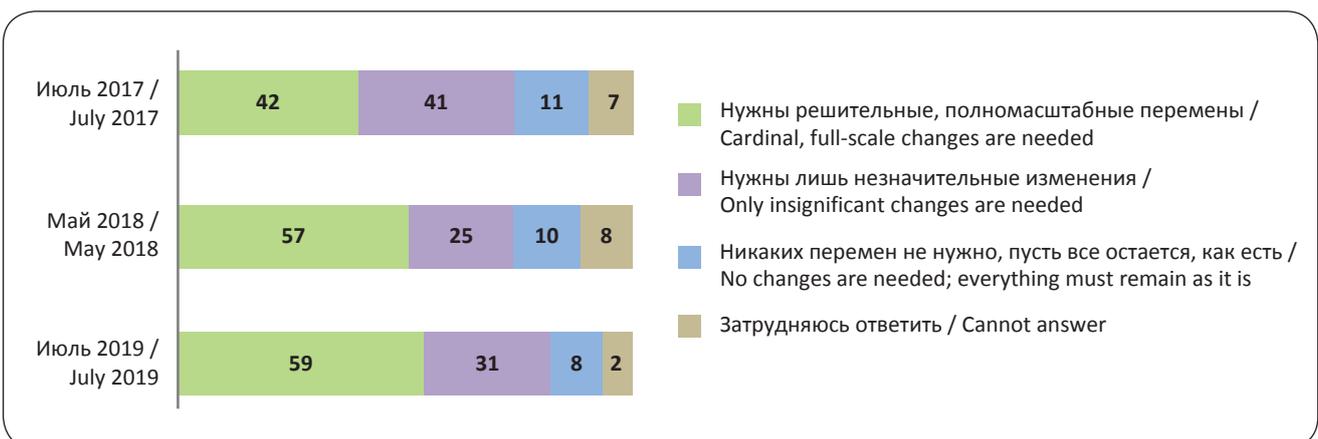

Рис. 2. Динамика отношения россиян к стабильности и переменам, по данным «Левада-центра», 2017–2019 гг., %

Источник: [6. С. 3].

Fig. 2. Dynamics of the Russians' attitude towards stability and change, by the data of Levada Center, 2017–2019, %

Source: [6. P. 3].

протестные выступления привели к смене власти, а в Белоруссии в 2020–2021 гг. они под давлением власти заглохли, но в обоих случаях результаты протестов трудно назвать положительными для массовых слоев граждан. Другой стабилизирующий фактор – начавшийся весной 2020 г. коронакризис, неизбежно порождающий настроения, что «коней на переправе не меняют», и переключающий сознание россиян с желания общественных перемен на стремление лично выжить в трудных условиях.

Долгосрочная динамика запроса на перемены

Для лучшего понимания тенденций запроса на перемены целесообразно взглянуть на события последних лет как на элемент длительных волнообразных изменений. Ведь благодаря длинной серии репрезентативных общероссийских опросов, организованных Институтом социологии РАН, динамика стремления россиян к переменам/стабильности прослеживается на протяжении более 20 лет (рис. 3).

При внимательном рассмотрении длительных трендов произошедшее в конце 2010-х превышение желающих перемен над стремящимися к стабильности теряет черты исключительности. На самом деле такое превышение типично для большей части наблюдаемого 24-летнего периода. В 1997–2021 гг. наблюдалось лишь два интервала времени, когда стремящиеся к стабильности были существенным (с разрывом более чем на 5 п. п.) большинством, – это 2008 г. (один замер) и 2012–2017 гг. (шесть замеров). Все остальные 13 замеров – ситуации, когда желающих перемен было примерно столько же или (чаще) существенно больше, чем сторонников стабильности.

Таким образом, рост желающих перемен в 2016–2018 гг. не что-то экстремальное, а скорее возвращение российского социума к нормальному для него в постсоветский период состоянию общего недовольства («всё не так!»). Это вялое недовольство можно объяснить тем, что существующая институциональная система россиянам не слишком нравится, но ей трудно противопоставить что-то лучшее, а потому

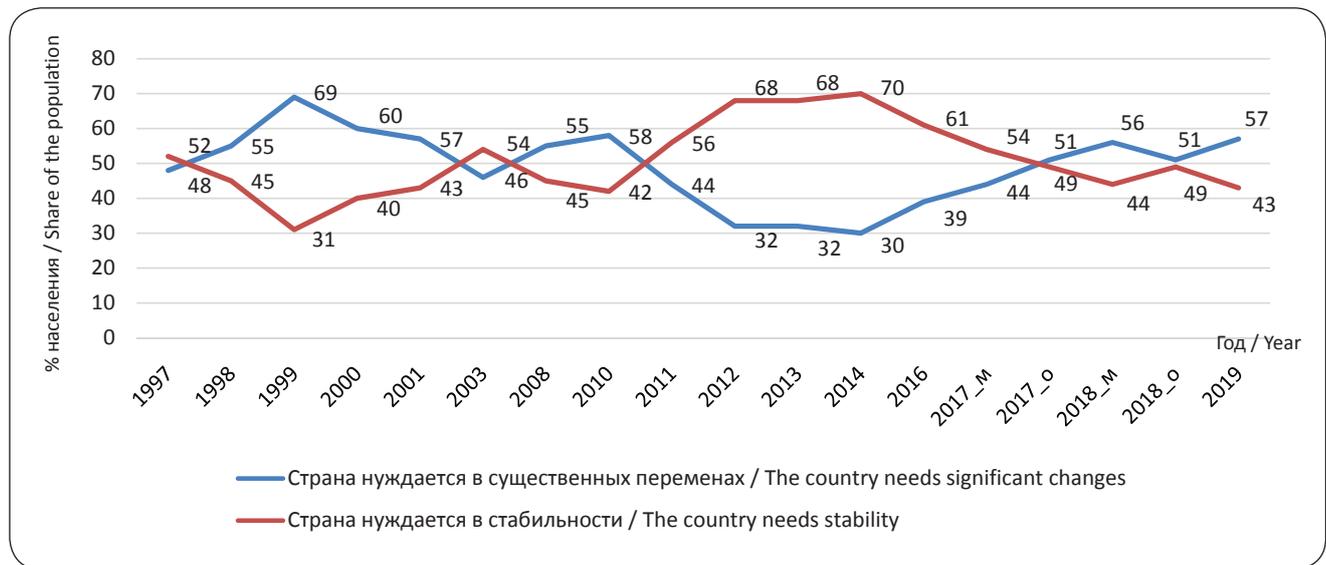

Рис. 3. Динамика соотношения россиян, желающих перемен и стремящихся к стабильности, по данным опросов Института социологии РАН, 1997–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН.

Fig. 3. Dynamics of the ratio between the Russians wishing changes and longing for stability, by the polling data of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences, 1997–2021

Source: compiled by the author based on the data of all-Russia representative sociological polls of the Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences.

приходится приспосабливаться к существующему порядку из опасений в поисках лучшего потерять удовлетворительное. Обычное для постсоветских россиян преобладание желаний перемен временно сменялось доминированием стремления к стабильности, видимо, лишь в небольшие периоды хорошего экономического роста – перед кризисом 2008 г. и перед кризисом 2014 г. Поскольку влияние начавшегося весной 2020 г. коронакризиса будет заметно еще долго, то и в ближайшие годы, вероятнее всего, будет наблюдаться либо небольшое преобладание желающих перемен (как в 2018–2020 гг.) либо их примерное равенство со сторонниками стабильности (как в текущем 2021 г.).

Проблемность направленности запроса на перемены

Хотя запрос на перемены, согласно изложенным наблюдениям, остается далеким от «революционной ситуации», стабильно высокий уровень этого запроса заставляет поставить вопрос о том, *каких* именно перемен желают современные россияне.

Априори ясно, что желания качественных изменений в современной России в значительной степени разнонаправлены: одни россияне желают усиления «защиты национальных интересов», другие – «возвращения в СССР», третьи – углубления либеральных реформ 1990-х. Эта существенная разнонаправленность порождает настороженное отношение к запросу на перемены, которое может обернуться не модернизацией общества, а его антимодернизацией (как это не раз наблюдалось, например, в азиатских странах во время «исламских революций»).

Чтобы понять направленность запроса на перемены, необходимо, прежде всего, рассмотреть, не является ли он желанием реставрировать «советский социализм», который, в чем сходится большинство исследователей, оказался в целом тупиковым путем социально-экономического развития. Ведь эта общественная система – наиболее явная (хорошо известная россиянам старше 50 лет по их личному опыту) альтернатива «правилам игры» в современной Российской Федерации. О высокой популярности этой альтернативы свидетельствует хотя бы то, что КППРФ остается крупнейшей оппозиционной партией, не говоря уже о массе более мелких политических движений, в той или иной форме выступающих за путь национального развития а-ля «вперед в (советское) прошлое». Не

случайно не только в нашей стране², но и на Западе феномену «посткоммунистической ностальгии» [7] (или «красного похмелья» [8]) уделяют большое внимание, считая его дополнительным стимулом для опасений развитием России при В. В. Путине.

Ранее [9] автор уже анализировал векторность идеологических предпочтений современных россиян и пришел к выводу, что социалистический вектор (требования социальной справедливости)³ сам по себе относительно слаб в сравнении с либеральным и националистическим векторами. Однако этот вывод был основан на анализе предпочтений *идеологов*, а не конкретных социально-экономических *институтов*. Поэтому есть предположение, что, отвергая социализм, россияне будут еще более активно отвергать рыночные институты, что будет означать предпочтение именно социализма (не столько потому, что он больше нравится, сколько потому, что он меньше не нравится).

Чтобы ответить на вопрос о перспективах «советской реставрации», далее на основе материалов общероссийских репрезентативных социологических опросов будет рассмотрено отношение россиян к различным базовым институтам современного рыночного хозяйства. Будут использоваться главным образом материалы предковидного опроса 2019 г., организованного Институтом социологии ФНИСЦ РАН и отражающего состояние общественного сознания россиян в относительно спокойные времена. Для понимания динамических изменений общественного сознания россиян данные опроса 2019 г. сопоставляются в основном с результатами опросов 2005 г. (тоже организованного Институтом социологии) и 1990 г. (организованного ВЦИОМом).

² См., например: Ностальгия по СССР // Левада-Центр. 24 декабря 2021 г. URL: https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (дата обращения: 05.11.2021).

³ При обсуждении вопроса о социализме в России приходится постоянно сочетать анализ двух существенно разных объектов – с одной стороны, «советского социализма» (реальных практик государственного регулирования в СССР) и, с другой стороны, социалистической идеи (социального равенства, понимаемого как снятие эксплуатации и отчуждения). Объяснение их соотношения выходит за рамки данной статьи, в которой социализм условно редуцируется до единого понятия, отражающего советский опыт.

Отношение россиян

к различным типам общества в целом

На противоречивость симпатий/антипатий современных россиян к институтам рыночного хозяйства указывают, прежде всего, парадоксальные ответы респондентов общероссийских социологических опросов на вопросы о желательных «правилах игры» в стране (табл. 1). В частности, в июне 2019 г. 37 % высказались за «государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики», 17 % – за «государство, которое, используя частный сектор экономики, одновременно расширит частные экономические и политические возможности граждан» и всего лишь 8 % – за «государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе».

Таблица 1

Мнения россиян о желательном типе государства в России, %

Table 1. Opinions of the Russians about the desired type of state in Russia, %

Типы государства / Types of state	Год / Year		
	2005	2011	2019
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами («социализм») / The state which would completely restore the centralized regulation of economy and control over prices ("socialism")	25	29	37
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику («добрый царь») / The type of the state does not matter; the country needs a leader who would take full responsibility for the situation in Russia and would carry on a resolute policy ("good tsar")	17	22	25
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан («смешанная экономика») / The state which would restore the public economy sector, at the same time expanding private economic and political opportunities of the citizens ("mixed economy")	39	41	17
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе («капитализм») / The state which would reduce to a minimum its intervention to economy, granting maximal freedom to a private initiative ("capitalism")	5	9	8

Последний опрос демонстрирует *существенное усиление негативизма в адрес рыночного хозяйства*. Если во время опросов 2005 и 2011 гг. наибольшей популярностью пользовалась модель смешанной экономики, то теперь она ушла на 3-е место, уступив первенство откровенно этатистским моделям – восстановленному социализму и даже решительному лидеру, своего рода доброму царю, который возьмет на себя всю ответственность.

Хотя популярность коммунистов остается умеренной (к их сторонникам относили себя во время опроса в 2019 г. лишь 11 % респондентов), наблюдаемое падение популярности неэтатистских моделей реально ставит на повестку дня вопрос о возможности «социалистической» реставрации. Хотя полное «возвращение в СССР» находится за рамками современного коридора возможностей, однако вполне реальным кажется предположение о перспективе качественного усиления государственного регулирования, опирающегося на негативизм значительной части россиян в отношении «капиталистических» институтов.

В то же время для глубокого понимания того, насколько современные россияне приняли рыночные институты, целесообразно отказаться от анализа ответов *только* на прямые вопросы. Ведь средний россиянин, далекий от профессионального обществоведения, далеко не всегда хорошо понимает смысл концептов «капитализм» и «социализм». Их часто упрощают и вульгаризируют, понимая под капитализмом мрачные реалии современной России, а под социализмом – розовые воспоминания о советской жизни. К тому же в сознании людей старшего поколения (старше 50 лет) продолжают жить воспитанные в СССР стереотипы о «бесчеловечном капитализме» и «гуманном социализме». Такие стереотипы активно воспроизводятся, прежде всего, в сознании тех россиян, для кого трудные времена пришлись именно на постсоветский период.

Чтобы выяснить, каких именно новых реформ желают россияне, надо узнать их отношение к основным «правилам игры», лежащим в основе того или другого общественного строя. Базовые же институты, лежащие в основе типологий социально-экономических систем, – это отношения собственности (частная или государственная) и принципы управления (через решения частных предпринимателей или через государственный план).

Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены?
 Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia?

Отношение россиян к частной собственности

Рассмотрим в первую очередь отношение современных россиян к институту частной собственности как к наиболее общей предпосылке рыночного хозяйства.

На прямой вопрос, как они относятся к существованию в стране частной собственности, респонденты в июне 2019 г. чаще всего (41 %) отвечали «положительно». Однако не положительных ответов оказалось гораздо больше: 36 % относятся к частной собственности нейтрально, 12 % затруднились ответить, а 11 % дали отрицательный ответ (табл. 2).

Таблица 2

Динамика отношения россиян к существованию частной собственности, %

Table 2. Dynamics of the Russians' attitude towards private property, %

Варианты ответов / Variants of answers	ВЦИОМ, 1990 г. / Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), 1990	Институт социологии ФНИСЦ РАН / Institute for Sociology of Federal Scientific-Research Sociology Center of the Russian Academy of Sciences		
		Год / Year		
		2005	2014	2019
Положительно / Positive	45	52	61	41
Нейтрально / Neutral	29	24	30	36
Отрицательно / Negative	24	16	9	11
Затруднились ответить / Cannot answer	2	8	Вариант отсутствовал / No answer	12

Сопоставление с предыдущими общероссийскими опросами показывает, что, хотя пропорции ответов сильно варьировались, доля не положительных ответов всегда была выше 1/3. Проведенный в 2019 г. опрос Института социологии показал результаты, парадоксально очень близкие к результатам опроса ВЦИОМ в предпоследний год существования СССР (главное отличие между ними – это сокращение доли отрицательных ответов за счет роста нейтральных

и «затрудняюсь ответить»). Такая высокая доля не положительных ответов после почти 30 лет провозглашения «свободы экономической деятельности» (ст. 8 Конституции Российской Федерации) представляется явлением, требующим специального объяснения.

Изучение мнений в полярных социальных группах показало, что *выражающие отрицательное отношение к частной собственности сосредоточены главным образом в трех самых слабых социальных группах*. В группах молодых, хорошо материально обеспеченных и высокообразованных отрицательное отношение к частной собственности встречается только как редкое исключение, у менее 10 % респондентов (рис. 4). Зато оно довольно часто наблюдается среди пожилых (старше 50 лет), бедных (по их самооценке) и низкообразованных (с образованием не выше среднего). При этом, хотя в трех слабых социальных группах неприятие частной собственности является заметно более (в 1,5–2,5 раза) частым, чем у россиян в целом, но и в таких группах положительное отношение к частной собственности наблюдается чаще, чем отрицательное (рис. 5). Между отношением к частной собственности и стремлением к переменам связи практически нет: среди желающих перемен негативно к ней относятся 10 %, а среди желающих стабильности – 12 %.

В то же время вопрос о последствиях существования в России частной собственности сразу демонстрирует наблюдающееся в общественном сознании столкновение социалистической и либеральной идеологией. Если суммарный процент позитивных суждений составлял в 2019 г. 101 %, то негативных – 71 %, лишь на 1/3 меньше (табл. 3).

Это показывает, что социалистическая идеология, акцентирующая внимание на «несправедливых» последствиях частной собственности, в конце 2010-х гг. не сильно уступала в популярности либеральной идеологии, которая считает неравность людей аксиоматичной и, соответственно, видит в частной собственности только позитивные черты. При сравнении данных 2019 г. с данными 2005 г., когда позитивные и негативные суждения высказывались с почти одинаковой частотой (68 % отметили позитив, 70 % – негатив), заметен явный сдвиг в сторону усиления одобрения частной собственности. В то же время сопоставление с «позднесоветским» опросом 1990 г. показывает, что

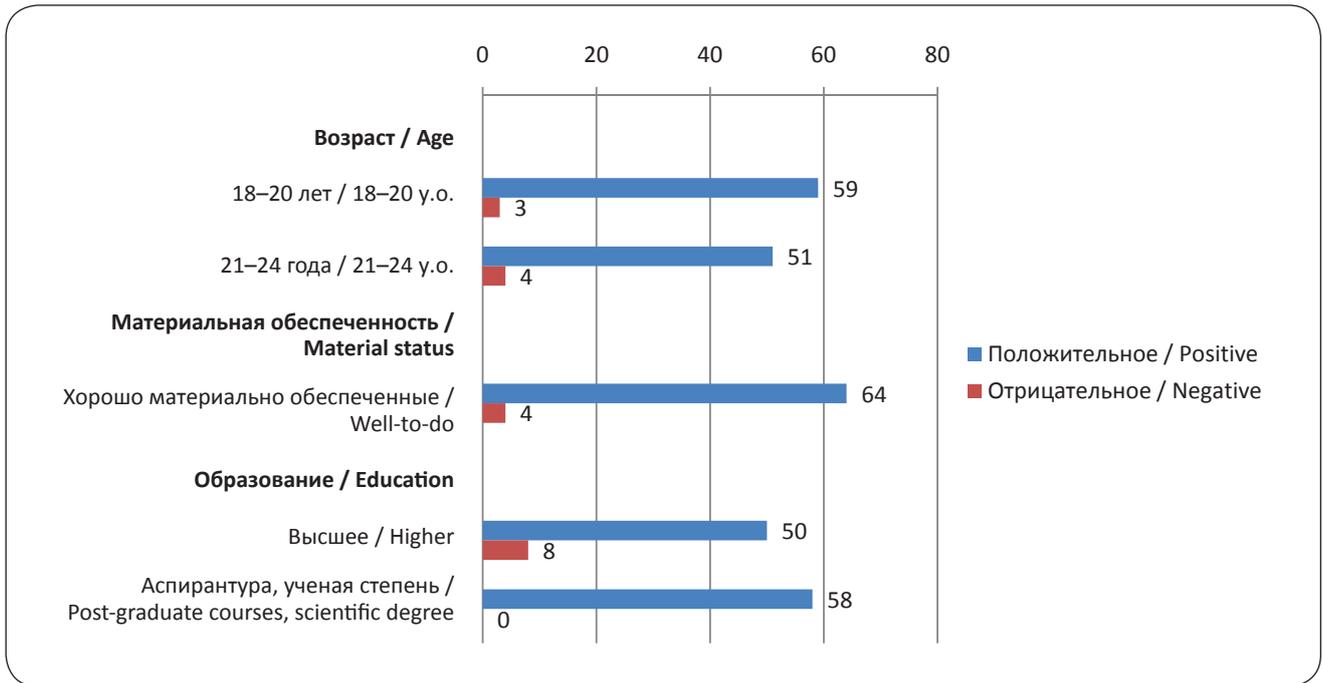

Рис. 4. Отношение к частной собственности в сильных социальных группах, июнь 2019 г., %
 Fig. 4. Attitude towards private property in strong social groups, June 2019, %

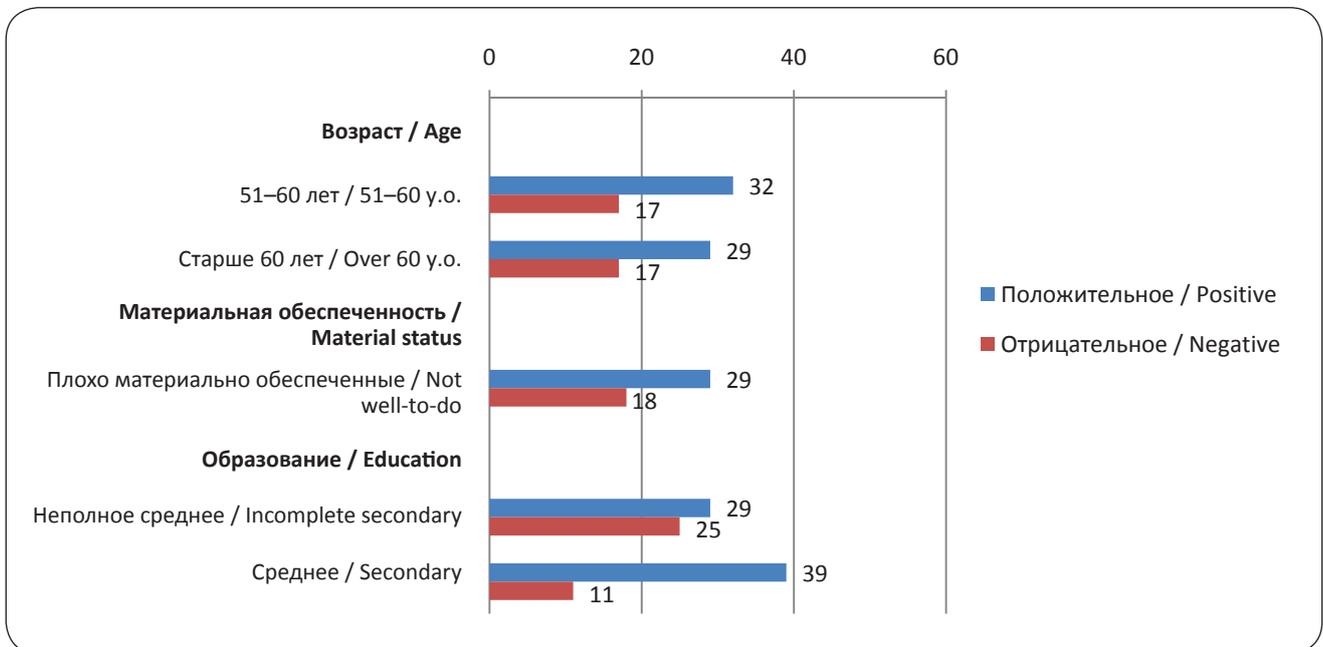

Рис. 5. Отношение к частной собственности в слабых социальных группах, июнь 2019 г., %
 Fig. 5. Attitude towards private property in weak social groups, June 2019, %

Мнения россиян о последствиях частной собственности
Table 3. Opinions of the Russians about the consequences of private property

Последствия частной собственности / Consequences of private property	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %		
	Время опроса / Period of polling		
	1990 г., январь / January	2005 г., апрель / April	2019 г., июнь / June
Позитивные суждения / Positive statements			
Возрождение у людей чувства хозяина / Sense of ownership is restored in people	51	30	44
Преодоление дефицита потребительских товаров / Deficit of consumer goods is overcome	27	25	33
Выход из экономического кризиса / Economic crisis is overcome	26	13	24
Негативные суждения / Negative statements			
Ускорение расслоения общества на богатых и бедных / Stratification of the society into the rich and the poor is accelerated	37	54	46
Появление эксплуатации человека человеком / Exploitation of man by man appears	16	16	25

до радикальных рыночных реформ представления о последствиях развития частной собственности были гораздо более оптимистическими (104 % отмечали позитив и лишь 53 % – негатив). Таким образом, определенный эффект разочарованности заметен до сих пор.

Максимальная доля противников частной собственности может быть получена по ответам респондентов, которым надо было выбирать, с каким из крайних суждений они больше согласны, – «Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным» (в 2019 г. выбрали 70 %) или «По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности; собственность лишь закабалает человека» (30 %). Эта дилемма показывает, что даже при предельно широкой оценке доли противников частной собственности они в последние годы сильно уступают ее сторонникам. Данная тенденция является устойчивой: во время опросов Института социологии в 2005–2015 гг. указанная дилемма предлагалась респондентам четыре раза, и каждый раз сторонники обладания собственностью (от 61 % в 2010 г. до 73 % в 2015 г.) сильно преобладали над ее противниками.

Диссонанс, наблюдающийся в общественном сознании россиян при оценке частной собственности, становится более понятен, если посмотреть на перечень объектов собственности, в отношении которых, по мнению респондентов, государство должно иметь

право ограничивать права собственников. Хорошо видно, что эти объекты делятся на три группы (табл. 4): естественные, капитальные и потребительские ресурсы. Сопоставление данных разных лет показывает, что, хотя отношение к отдельным объектам может существенно изменяться, сама иерархия объектов очень стабильна.

Подавляющее большинство (более 80 %) россиян сходятся в том, что естественные (полученные «даром» от природы) ресурсы должны приватизироваться в наименьшей степени. Это общественное мнение полностью совпадает с современной экономической теорией, в рамках которой обсуждаются разные механизмы госконтроля за природными объектами, но не оспаривается необходимость такого контроля. На другом полюсе находятся объекты личной собственности (квартира, дача и прочая недвижимость), в отношении которых лишь очень немногие (не более 4 %) требуют ограничений. Наиболее настораживающими (показывающими высокий негативизм в отношении капитализма) выглядят ответы россиян по поводу допустимости ограничения частной собственности на капитальные ресурсы – ведь за такие ограничения выступает в настоящее время от 1/5 до 3/5 россиян. Видна закономерность: чем более «капиталистической» (предполагающей использование наемного труда) является такая собственность, тем чаще россияне требуют ее ограничения.

Таблица 4

Мнения россиян о необходимости ограничивать частную собственность, %

Table 4. Opinions of the Russians about the need to restrict private property, %

Объекты частной собственности / Objects of private property	Доля респондентов, выступающих за ограничения, % / Share of the respondents advocating restrictions, %		
	Год / Year		
	2005	2010	2019
Естественные ресурсы / Natural resources			
Леса, реки, озера и другие водоемы / Forests, rivers, lakes, other water basins	86	-	90
Побережья морей и водоемов / Coasts of seas and other water basins	84	70	82
Капитальные ресурсы / Capital resources			
Заводы, фабрики, магазины и т. п. / Plants, factories, shops, etc.	66	44	60
Акции предприятий / Shares of enterprises	37	26	33
Крупная сумма денег / Large sum of money	16	12	27
Земельный участок, используемый для производства сельхозпродукции на продажу / Land lot used for producing agricultural goods for sale	9	13	18
Потребительские ресурсы / Consumer resources			
Земельный участок, используемый для собственных нужд / Land lot used for personal needs	4	2	4
Квартира / Apartment	3	3	2
Автомобиль / Car	3	3	1
Дача, загородный дом / Country house	3	3	1

Подводя итог изучению мнений современных россиян о частной собственности, следует подчеркнуть *очень большое место в общественном сознании смешанных оценок, сочетающих в разных пропорциях одобрение и осуждение*. Частная собственность не часто рассматривается как откровенно негативное явление, но и те, кто ее однозначно одобряют, составляют заметно менее половины граждан. Это значит, что *начавшееся в конце прошлого века «привыкание» к этому «реабилитированному» институту еще не завершилось, хотя этот процесс активно идет* (в частности, неприятие частной собственности среди молодых встречается в 5–6 раз реже, чем среди пожилых). Поскольку *разногласия в оценках полезности частной собственности практически не коррелируются с желанием перемен*, следует утверждать, что данный вопрос однозначно вышел из актуальной политической повестки дня.

Отношение россиян к предпринимательству

Понимание отношения россиян к предпринимательству крайне важно для понимания принятия ими рыночных правил игры, поскольку главным социальным актором развитого (с наемным трудом) рыночного хозяйства, бесспорно, является предприниматель. При обсуждении его роли в обществоведении на протяжении последнего столетия сталкиваются две позиции: социалисты (прежде всего, последователи идей К. Маркса) подчеркивают приоритетность эксплуатации наемного труда, в то время как либералы (последователи идей Й. Шумпетера) – стремления к инновациям. Ожесточенность дискуссии связана с тем, что правы обе стороны, но в переменчивой степени, поскольку соотношение этих двух функций предпринимателей различно в разных сферах хозяйственной жизни в разные исторические периоды

Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены?
 Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia?

и в разных странах. А каким видят современного предпринимателя обычные россияне?

Когда в 2019 г. респондентам предложили охарактеризовать современных отечественных предпринимателей (табл. 5), то структура оценок оказалась асимметричной: если просуммировать позитивные (132 %) и негативные (106 %) оценки, то обнаруживается, что благожелательные мнения высказывали приблизительно на 1/4 чаще. Это показывает, что современные россияне все же чаще не осуждают отечественных предпринимателей, а одобряют. Сопоставим это со структурой оценок в 2001 г.: тогда пропорция была почти обратной (118 % позитивных оценок против 135 % негативных). В то же время результаты 2019 г. почти не отличаются от данных за 2005 г. (139 % против 107 %). Напрашивается вывод, что в начале 2000-х гг., после завершения кризиса 1990-х, россияне поняли, что отечественные «буржуи» все-таки способны «поднимать» экономику, хотя их способность организовывать прорывное развитие (как, например, в Южной Корее и в КНР) остается под вопросом. Поэтому в последние 20 лет позитивные мнения о предпринимателях встреча-

ются устойчиво чаще, чем негативные, хотя и без явного перевеса.

Интересно отметить, что за 2005–2019 гг. предпринимателей стали гораздо реже (на 9 п. п.) считать непорядочными, но и энергично-инициативными тоже стали считать реже (на 10 п. п.), а ведь способность к инноваторству – главная черта «настоящего» (по Шумпетеру) предпринимателя.

Полученный результат почти совпадает с другой пропорцией ответов, когда респондентам надо было выбрать, с чем они больше согласны – с тем, что предприниматели наживаются на чужом труде, или с тем, что они дают людям рабочие места. За первый вариант в 2019 г. высказались 43 %, за второй – 57 %, т. е. благожелательное отношение к предпринимателям проявляется на 1/3 чаще, чем негативное отношение. И здесь в динамике заметно усиление позитива в восприятии бизнеса: во время опроса 2005 г. мнение об эксплуатации чужого труда выбирали несколько чаще (47 %), а мнение о создании рабочих мест – чуть реже (53 %).

При переходе от анализа частот разных оценок к анализу частот разных «пакетов» оценок обна-

Таблица 5

Мнения россиян о качествах большинства предпринимателей
Table 5. Opinions of the Russians about the qualities of the majority of businesspeople

Личные качества предпринимателей / Personal qualities of businesspeople	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %		
	Год / Year		
	2001	2005	2019
Позитивные суждения (либеральная идеология) / Positive statements (liberal ideologue)			
Энергичность, инициативность, находчивость / Energy, initiative, resourcefulness	44	51	41
Хорошие организаторские способности / Good organizational skills	28	30	37
Профессионализм, компетентность, знание своего дела / Professionalism, competence, skills in one's business	22	29	29
Трудолюбие, работоспособность / Industriousness, working capacity	24	29	25
Негативные суждения (социалистическая идеология) / Negative statements (socialist ideologue)			
Безжалостность, потребительское отношение к людям / Mercilessness, objectification of people	35	27	32
Рвачество, стремление к легкой наживе / Self-seeking, desire for easy money	32	27	29
Безразличие к государственным и общественным интересам / Indifference towards state and public interests	36	27	28
Непорядочность, нечестность, неразборчивость в средствах / Indecency, dishonesty, unscrupulousness	32	26	17

Латов Ю. В. Существует ли в России запрос на социалистические перемены?
 Latov Yu. V. Does an Enquiry for Socialistic Changes Exist in Russia?

руживается, что только положительные качества предпринимателей указывали 22 % респондентов, только отрицательные качества – 16 %, а остальные 62 % сочетали в разных пропорциях позитивные и негативные оценки. Соотношение одобряющих и осуждающих предпринимателей снова то же самое: одобряющих на 1/3 больше, т. е. то *противостояние небольших долей однозначно одобряющих и однозначно осуждающих наблюдается на фоне «колеблющегося» большинства* (более чем 4/5) россиян, у которых нет четкой позиции.

Пропорция распространенности среди россиян в 2019 г. трех типов оценок (однозначно позитивных, смешанных и однозначно негативных) предпринимателей повторяет аналогичную пропорцию оценок последствий частной собственности: по собственности пропорция выглядит как 24 : 61 : 15, по предпринимателям – как 22 : 62 : 16. Социальная структура тех, кто видит в предпринимателях лишь негатив, снова демонстрирует повышенную долю представителей трех слабых социальных групп: среди них почти половина (48 %) оценивает свое материальное положение как плохое (в населении в целом таких только 32 %), почти половина (46 %) – люди старше 50 лет (в населении их 35 %), 22 % – люди с образованием не выше среднего (в населении таких 18 %). Но доля желающих перемен среди людей с «антикапиталистической ментальностью» практически такая же (55 %), как и среди россиян в целом. Следовательно, повторяется вывод, сделанный ранее по итогам анализа группы россиян, негативно относящихся к частной собственности: *негативно относящиеся к предпринимателям тоже являются меньшинством, среди них также сильно повышена доля бедных и пожилых, но не наблюдается повышенного стремления к переменам.*

С каких позиций критикуют российских предпринимателей?

Хотя, как мы видим, современные россияне предпринимателей чаще одобряют, чем осуждают, однако они видят и негативные черты в развитии отечественного бизнеса. Важно, однако, обратить внимание на то, с каких позиций – социалистических или либеральных – россияне во время социологических опросов осуществляют эту критику.

В частности, во время опроса в 2019 г. в рейтинге частот ответов на вопрос о причинах сильного оттока

капиталов за рубеж на первых местах фигурировали причины, связанные с «плохим» государством: 43 % выбрали «высокий уровень коррупции и криминальное давление на бизнес», 37 % – «неблагоприятный предпринимательский климат (высокие налоги, бесконечные проверки, бюрократические препоны и т. д.)». Лишь потом упоминаются причины, связанные с «плохим» бизнесом (36 % – «криминальное происхождение части российского капитала»). Сходны мнения россиян и о причинах, в силу которых в стране «мало людей занимаются предпринимательской деятельностью»: среди семи наиболее частых объяснений (каждое из них выбирали более 20 % респондентов) два являются универсально значимыми (в любой современной стране занятие бизнесом тормозится необходимостью высокого стартового капитала и высокими рисками), одно возлагает «вину» на криминализованный бизнес, а остальные четыре наиболее частые причины тоже связаны с «плохим» государством (табл. 6).

Таблица 6

Мнения россиян, почему мало людей занимаются предпринимательской деятельностью, июнь 2019 г.

Table 6. Opinions of the Russians about why few people engage in business, June 2019

Причины слабого развития предпринимательства / Reasons for poor development of business	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %
Высокие налоги / High taxes	54
Отсутствие стартового капитала / Absence of the initial capital	46
Высокие административные барьеры, коррупция / High administrative barriers, corruption	43
Высокие риски ведения бизнеса и страх потерять деньги / High risks of doing business and fear to lose the money	43
Недостаточная поддержка бизнеса со стороны государства / Insufficient support of business on the part of the state	28
Криминализация бизнеса в России / Criminalization of business in Russia	27
Страх появления проблем с законом, правоохранительными органами / Fear of problems with the law or law-enforcement bodies	24

Как видим, бизнес/предпринимательство критикуют чаще с позиций не социалистических (за эксплуатацию труда), а либерально-демократических (за нарушение правил честной конкуренции). Получается, что возмущает россиян не столько сам по себе отечественный капитализм (система наемного труда), сколько его недоразвитость (система коррупционных связей между бизнесом и властью, как в третьем мире).

Поскольку повышение желаний перемен в последние пять лет связано, как показывают социологические исследования, с усилением недовольства главным образом государственными чиновниками и политиками, в общественном сознании должно происходить вытеснение одного образа социального «врага» другим, т. е. *относительное снижение недовольства россиян предпринимателями*. Действительно, хотя на вопрос «Как изменился российский бизнес за прошедшие 10–15 лет?» чаще всего (35 %) отвечали «каким был, таким и остался», но при этом утверждающих, что «бизнес стал более цивилизован-

ным и ответственным» (31 %), почти вдвое больше, чем считающих, что, наоборот, он «стал менее цивилизованным и ответственным» (17 %). Если сравнить эти ответы с теми, которые на аналогичный вопрос давали в 2005 г. (тогда 32 % не видели изменений, 41 % видели изменения к лучшему, а 11 % – к худшему), то можно увидеть длительную тенденцию к улучшению восприятия российского бизнеса.

Чтобы проверить, действительно ли российский бизнес становится более цивилизованным, рассмотрим по данным мониторинговых опросов 2013–2018 гг. Института социологии динамику ответов на вопрос, как часто работодатели выполняют «цивилизованные» правила взаимоотношений с наемными работниками (табл. 7).

Данные опросов показывают, что в течение 2013–2017 гг. наемных работников стали чаще официально оформлять на работу и выплачивать белую зарплату. Однако надо учитывать, что значительная часть респондентов работала в государственном секторе, где принципиально невозможно не оформлять работников

Таблица 7

Динамика свидетельств о выполнении работодателями «цивилизованных» правил отношений с наемными работниками

Table 7. Dynamics of the evidences of employers observing the “civilized” rules of relations with hired employees

Условия труда / Working conditions	Доля респондентов, % / Share of the respondents, %							
	Время опроса / Period of polling							
	2013	2015, весна / spring	2015, осень / autumn	2016, весна / spring	2016, осень / autumn	2017, весна / spring	2017, осень / autumn	2018, весна / spring
Соблюдение правил / Observance of rules								
Официальное оформление на работу / Official employment	49	50	48	49	52	52	56	54
Белая заработная плата / Official wages	38	43	43	41	44	47	48	47
Структура занятости / Employment structure								
Государственный сектор / Public sector	33	27	27	23	26	27	28	26
Коммерческий сектор / Commercial sector	28	29	30	33	30	33	36	40
Доля работников коммерческого сектора, чьи права не нарушаются / Share of the employees in the commercial sector whose rights are not violated								
Право на официальное оформление на работу / The right for official employment	57	79	70	79	87	76	78	70
Право на белую заработную плату / The right for official wages	18	55	53	55	60	61	56	53

и платить им черную зарплату. Если же сделать приблизительную оценку доли работников коммерческого сектора, чьи права соблюдались предпринимателями, то ситуация выглядит неоднозначной.

С одной стороны, в 2013–2016 гг. (особенно в период 2013–2015 гг.) действительно происходило качественное улучшение положения рабочих; положительная оценка этой тенденции тем более высока, поскольку отмеченное повышение цивилизованности бизнеса происходило во время экономического кризиса, когда предпринимателям тяжелее выживать. Но, с другой стороны, в 2017–2018 гг. цивилизованность стала, наоборот, снижаться – нарушения прав работников существенно участились. В целом следует все же сделать вывод, что *если в начале 2010-х гг. большинство предпринимателей нарушали права своих работников* (особенно это было заметно по широкой распространенности черных зарплат), то к концу 2010-х такие взаимоотношения перестали преобладать.

Таким образом, улучшение имиджа предпринимателей в глазах россиян – результат не только вытеснения «капиталистического» социального конфликта (капиталист – наемный работник) «социалистическим» конфликтом (власть имущие – граждане), но и реального общего повышения цивилизованности российского бизнеса, снижения частоты нарушений прав работников. Это повышение хорошо заметно в долгосрочном периоде, хотя в последние годы наблюдалась противоположная тенденция.

Запрос на перемены vs антикапиталистический протест

Подведем итоги анализа отношения современных россиян к институтам частной собственности и предпринимательства – базовым институтам современного рыночного (капиталистического) хозяйства.

Как показал анализ, в отношении обоих институтов, частной собственности и предпринимательства, *одобрительные оценки хотя и не сильно, но преобладают над осуждающими*, причем большинство не имеет по данным вопросам четкой позиции. *Негативное отношение к частной собственности и предпринимательству чаще наблюдается в слабых социальных группах* (малоимущие, пожилые, люди с низким образованием), но и в этих группах негативное отношение к ним не является абсолютно доминирующим.

Принципиально важно отметить, что на протяжении последних двух десятилетий *наблюдается общий рост положительного отношения к частной собственности и предпринимательству* как базовым институтам «капиталистической» экономики. Поэтому отмеченный *рост популярности нерыночных социально-экономических моделей* *правомернее интерпретировать* не как «коммунизацию» сознания россиян, а как *феномен протестного голосования*. Современные россияне выступают не столько за какую-либо модель общества, сколько *против* вполне конкретного современного общественного строя – того, который существует в современной России, соединяя олигархический «капитализм» с бюрократическим «социализмом». *Запрос на перемены*, таким образом, *носит не положительный, а отрицательный характер* (впрочем, это типично для большинства социально-политических бифуркаций): отрицается существующее общественное устройство, но нет четкого образа того, что должно прийти ему на смену.

Безусловно, в общественном сознании современных россиян существует *противоречие между*, с одной стороны, *ростом сознательного запроса на «социалистический» ренессанс* и, с другой – *снижением остроты восприятия конфликта наемного труда и капитала*. Это противоречие объясняется тем, что рост требований усилить госрегулирование отражает стремление большинства вовсе не к отказу от частной собственности и предпринимательства, к которым россияне в целом привыкли, а к росту полезности государственного регулирования, какими бы конкретными методами оно ни осуществлялось. «Советский миф» ассоциируется для большинства не с тотальной национализацией и со всеобщим учетом и контролем, а с бесплатным образованием и медициной, с отсутствием рисков безработицы и нищеты.

Для понимания степени актуальности противоречия между предпринимателями и наемными работниками следует вспомнить, как часто респонденты во время предыдущих опросов называли различные противоречия в современном российском обществе. В 2005–2017 гг. в семи общероссийских опросах, организацией которых занимался Институт социологии, задавался вопрос, между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее

острые противоречия. Во всех случаях «капиталистическое» противоречие «*между собственниками предприятий и наемными работниками*» в рейтинге частот упоминаний (его называли от 13 до 20 % респондентов) никогда не поднималось выше 4-й позиции, чаще всего оно попадало на 5-е место. Несколько чаще (в интервале 16–27 %) называли противоречие «*между олигархами и остальным обществом*», но и оно не поднималось выше 4-й позиции. К самым же частым позициям относились ответы «*между богатыми и бедными*» (в интервале 31–55 %), «*между властью и народом*» (26–36 %) и «*между чиновниками и гражданами*» (17–31 %). Из этих трех самых актуальных противоречий первое свойственно любым антагонистическим формациям (от «азиатского способа производства» до «капитализма»), в то время как второе – обществам «азиатского способа производства», своеобразной модификацией которого часто считают советский «социализм».

Итак, следует сделать вывод, что *рост* в конце 2010-х гг. *запроса на перемены в России мало связан с «марксистским» конфликтом наемных работников и предпринимателей-капиталистов. Современный российский запрос на перемены имеет, как мы видим, в основном не антикапиталистический, а антибюро-*

кратический («антиноменклатурный») характер. По отношению к бюрократической власти, навязывающей всем россиянам свои «правила игры», наемные работники и предприниматели оказываются не столько антагонистами, сколько союзниками (по крайней мере, временными). Находясь в одной лодке, они выступают не антагонистическими классами, а скорее общей совокупностью граждан, коллективно противостоящих государственной бюрократической и политической системе.

В то же время «*капиталистический*» социальный конфликт объективно сохраняется, хотя в настоящее время в числе относительно *второстепенных проблем*. В перспективе этот конфликт может, наложившись на существенное стремление к «социалистическому» ренессансу, привести к временным откатам в освоении рыночных институтов (например, к национализации собственности у отдельных бизнес-олигархов, кажущихся политической власти нелояльными).

Популярные в последние годы идеи «*национализации элит*» [10] являются опасным движением именно в этом направлении, когда апелляция к идеализированному советскому прошлому предполагает усиление административно-командных институтов.

Список литературы

1. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? Москва: Московский центр Карнеги, 2017. 33 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kolesnikov_Volkov_web_Rus1.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
2. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>
3. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 3. С. 119–134. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134
4. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
5. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Москва: Политиздат, 1974. С. 1–104.
6. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. Москва: Московский центр Карнеги, 2019. 16 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
7. Todorova M., Gille Z. Post-communist Nostalgia. Berghahn Books, 2010. 310 p.
8. Ghodsee K. R. Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century Communism. Duke University Press, 2017. 256 p.
9. Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
10. Латов Ю. В. Дискурс о «национализации элит» как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013216250010302-5>

References

1. Volkov, D., Kolesnikov, A. (2017). *We are waiting for changes. Does a mass demand for change exist in Russia?* Moscow, Carnegie Endowment for International Peace (in Russ.).
2. Petukhov, V. V., Petukhov, R. V. (2019). Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Political Studies*, 5, 119–133 (in Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>
3. Latova, N. V. (2019). The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). *Journal of Institutional Studies*, 11 (3), 119–134. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>
4. Petukhov, R. V. (2020). The Request for Change: Political and Value Dimension. – Polis. *Political Studies*, 6, 103–118 (in Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
5. Lenin, V. I. (1974). "Left-Wing" Communism: An Infantile Disorder. In V. I. Lenin, *Complete works* (5th ed.). Vol. 41. Moscow, Politizdat (in Russ.).
6. Volkov, D., Kolesnikov, A. (2019). *We are waiting for changes – 2. Why and how is a demand for radical changes formed?* Moscow, Carnegie Endowment for International Peace (in Russ.).
7. Todorova, M., Gille, Z. (2010). *Post-communist Nostalgia*. Berghahn Books.
8. Ghodsee, K. R. (2017). *Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century Communism*. Duke University Press.
9. Latov, Yu. V. (2019). Ideological Vectors and Scalars of Action for Proponents of Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12, 15–28 (in Russ.).
10. Latov, Yu. V. (2020). Discourse on the "Nationalization of Elite" as an Object of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11, 128–138 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/s013216250010302-5>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 28.11.2021
Дата принятия в печать / Accepted 11.01.2022

ПОЗНАНИЕ

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с. (Серия: Цифровая безопасность).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.